Королев Анатолий Васильевич (драматург) 15.08.91

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА,

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена - 1991 - 15 авг. (№ 33) - с. 2

Пиво за валюту

Речь, правда, пойдет не о пиве, а о культуре.

Хотя, как сказать... Если между нашим отечественным жидким, мгновенно лысеющим, вялым пивком и культурой налицо некая пропасть, то есть и иной подход. Когда пиво фирменное, холодное, немецкое и цвет у него божественно-желтый, солнечный и подано сие сокровище в хрустальной кружке, а не в банке, и поставлено на картонный кружок, и пена над кружкой такая, что выдержит тяжесть гривенника, так вот — отлучить такое пиво от культуры уже гораздо труднее.

Но почему, собственно говоря, речь о пиве? А потому, что, оказавшись однажды в июльский адский полдень на одиннадцатом этаже гостиницы «Пекин» в пустом пивбаре, где соломенное пиво пили только два ленивых официанта, я — как бы хозяин — не мог заплатить ни цента, а платил за меня и за себя как бы гость, зарубежный поэт и драматург. По три доллара за кружку. Больше двух я выпить не смог, сказал, что к пиву, так сказать, равнодушен, даже в столь адский час, когда изнывала Москва по «Жигулевскому» и хватала его из рук ловкача у входа в ту же гостиницу по десятке за бутылку.

В этом грустном анекдоте я вижу по меньшей мере три следствия: мы, увы, давно не хозяева в своей Отчизне, а гости. Отсутствие СКВ превращает всех нас в глазеющих зевак на чужом пиру жизни. А последней в этой очереди стоит, пожалуй, культура. Муза с протянутой рукой.

И последствия нашей нищеты давно налицо — ни один мало-мальский проект в кино за деревянные осуществить уже совершенно невозможно.

Театры пока еще перебиваются дотациями нищающего на глазах государства, а вот наши культурные издательства, брошенные в страстные объятия рубля, просто пошли с молотка. В этом году у меня должно было выйти две книги в двух издательствах, на брегах Москвы и Невы. И хотя расстояние между ними — ночь на поезде, ответы пришли одинаковые, как под копирку: издать не сможем. Нет рублей на бумагу. Нет валюты для красок. Скоро не найдется ни одной валюты, которую можно было бы поменять на тонну деревянных, разве что будем менять на раковины и перья райских птиц — валюту островов Туамоту. Мы не заметили, как превратились в экзотический рай для колониалистов, как на улицах белокаменной расцвели пальмы, запрыгали обезьяны, а наши туземные таксисты, бармены, официанты, проститутки, а вместе с ними финансисты и брокеры, литераторы и кинематографисты и прочие аборигены тропической Лимпопонии во все глаза следят за шевелением пальца белого саиба, чья нога в «Саламандре» и голова в пробковом шлеме показались из дверцы «Волги» на улице бывшей Горького. Лезь, лезь, милый!

Конечно, в союзе Запада и Востока есть не только унизительно-комические стороны, и я спешу сразу сказать об этом. Время железной изоляции ушло безвозвратно, и все же, увы, отношения двух великих сторон сейчас далеки от отношений равенства. И культуре приходится размышлять, как же ей жить в окружении социалистического советского капитализма? Ответы на этот вопрос тоже далеки от оптимизма. Жить не придется, придется выживать. На пресс-конференции в Центральном доме литераторов редактор «Континента», писатель Владимир Максимов довольно желчно сказал — друзья-писатели, вас слишком много! Много даже для такого зала. Во Франции только единицы — единицы — могут жить на чистый литературный заработок. Все писатели там рабо-та-ют, вкалывают, где смогут. Читают лекции, преподают литературу, служат, наконец. Пишут исключительно вечером после основной работы. Гении так просто бедствуют. У книг, которые стоит прочесть, мизерные тиражи. То же самое ждет и многих моих коллег.

Ждет? Да уже грянуло. На лотках в переходах метро красноречиво красуется будущее нашей культуры и ее носителей. Попробуйте найти там хотя бы одного живого писателя, как отечественного, так и зарубежного? Если книга не издана до подписания международной конвенции, то читатель имеет дело только с мертвецами. И Агата Кристи, и Конан Дойл, и король нашей торговли Дюма, увы, давно ушли в мир иной. Советского автора, даже классика, на витрине нашего будущего не найти.

Может быть, так и надо нашему брату писателю? Иди к станку, поэт! Однако кто бросит камень даже в плохого поэта? Его уже и так давно бьют рублем, но если без шуток, то на витрине будущего трудно отыскать и Джойса, и Аверинцева. Похоже, что отечественной интеллектуальной культуре прописан режим наибольшего неблагоприятствия. А ведь читателя легко развратить, как и зрителя.

И здесь я позволю себе сказать против демократической шерсти — духовную культуру надо если и не навязывать, то прививать. Здесь необходима культурная властность и... реклама. Да! Не побоимся этого некультурного слова — реклама. Духовные высоты должны быть окружены могучим моральным общественным престижем. И не только духовные, моральные — тоже.

Вы слышали о том, что в Японии есть такое вот реноме — «человек — национальное сокровище»? Пора бы и нам живых увенчать такими же лаврами. И не обязательно национальным сокровищем объявлять мудреца. Пловец (увы, я не помню его имени), который спас из озера десять человек из упавшего в воду автобуса, достоин этих лавров.

Пусть у наших бизнесменов будет все: дачи, заводы, валюта, бассейны, все, кроме морального престижа! Пусть у его бизнесменского рта порхают устрицы, но не микрофоны свободной прессы. Исключение только новым Мамонтовым и Морозовым, тем, кто строит гончарные мастерские для новых Врубелей и отдает миллионы для МХАТа. И уж совсем серьезно. На мировом рынке разделения труда России отдан все тот же рынок **сырья** — рынок пушнины, леса, нефти и новых идей, рынок искусства.

Анатолий КОРОЛЕВ,
писатель, драматург.